
Ирина Бельская
Развод в 45
НА ОСКОЛКАХ ПРОШЛОГО

Ирина Бельская

Развод в 45. На осколках прошлого

https://litres.ru/73016497
SelfPub; 2025

Аннотация

— Наша семья — это бренд, Света. Сильный, успешный. Я его выстроил. А ты... ты тащишь назад в прошлое. Нам — это не нужно. Ты не соответствуешь моему уровню. Не то что Лика...

"Устаревший формат" - так меня назвал мой любимый муж. У него — любовница, которая ждет от него ребенка. У меня — развалины жизни и дочь, которая меня стыдится. Мне 45, я потеряла всё — семью, бизнес, и в моей жизни не будет уже ничего хорошего... Или нет?

Современный роман о потерях и обретениях, где главная победа — победа над собой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ирина Бельская
Развод в 45. На осколках прошлого

Глава 1

– Мам, ну что ты стоишь, как мумия в простынях? Проснись уже! Твои движения скованные! – вздохнула Алиса, не отрывая глаз от экрана смартфона. Голос дочери был ровно таким, каким я когда-то отчитывала стажеров в агентстве – слегка раздраженным, и уже теряющим терпение от их глупых ошибок. – Давай естественность! Легкость! Нам нужен крутой лайфхак, как свернуть простыню. А ты, как будто на каторгу! Ну Ма, расслабься, в конце концов! И что с лицом? Это же тоска будет на видео, а не эстетика!

Я стояла посреди собственной гостиной, залитая беспощадным светом софитов, и чувствовала себя бутафорией. Чужой и нелепой. Тональный крем, который Алиса втерла в мое лицо толстым слоем, держался как венецианская маска. Я привыкла к своему отражению в утреннем зеркале, чуть заспанному, но родному. А сейчас видела восковую куклу с намалеванными губами.

Моя попытка улыбнуться на шутку Алисы про «мумию

в простыне» и расслабить плечи, не сильно помогла. Холодный, шелковый халат щекотал кожу. Мой домашний и такой уютный халат был с пренебрежением режиссёра удален со «сцены».

– Я стараюсь, Алис, – извинилась я, и мой собственный голос показался мне слабым.

– Не старайся, а делай, – отрезала она. Это же не олимпиада по физике, в конце-то концов! – И чего ты в камеру уставилась? Смотри куда-то в сторону. Задумчиво. Как будто твои мысли витают где-то далеко, а руки сами все складывают в воздухе! Это же так легко!

Я взяла первую простыню. Движения, отточенные много раз, вдруг стали деревянными. Пальцы не слушались. Я чувствовала на себе пристальный взгляд объектива – бездушный, оценивающий каждый мой изъян.

– Стоп! – Алиса резко опустила телефон. Ее идеально подведенные глаза сверкнули искренним гневом. – Ты портишь весь кадр! Твои руки… они выглядят ну совсем не айс! И халат этот сидит мешком. Будем снова переодеваться! Возьмём то голубое платье, что вместе покупали. Оно хоть и модное, но хотя бы в тему.

В горле застрял ком. «Руки ей теперь не айс». Руки, которые все эти годы качали ее, гладили лобик во время температуры, собирали из конструктора замки. И это слово «айс» висело в нашем доме тяжелым занавесом, под которым задыхалось все теплое, живое, настоящее. Моя любимая кружка,

бабушкины салфетки, мой любимый халат, да и я сама.

– Дочь, платье же вечернее, – я пыталась возражать, чувствуя, как в висках запульсировало.

– Оно в стиле кэжуал! – парировала Алиса, закатывая глаза так, будто я предложила прийти на съемку в валенках. – Мам, я не могу выложить в сетку контент, это кринж для моих подписчиков! У меня полмиллиона человек! Они ждут определенного уровня. А твой текущий вид – это сплошной фейспалм.

Я моргнула, сбитая с толку этим новым словом. Креативный директор во мне тут же попытался проанализировать его: «фейс» – лицо, «палм» – ладонь. Но смысл ускользал.

Молодежь, чтоб ее. Алисе семнадцать, и я уже далеко от этого молодежного сленга.

– Фейс… что? – растерянно переспросила я.

Алиса сначала смотрела на меня с недоверием, будто я действительно вышла из гробницы, а потом фыркнула, и этот фырк перерос в заразительный гогот.

– Ой, мам, ну ты даешь! Ты безнадежно отстала! – сквозь смех выдохнула она, показывая жест: и дочь ударила себя по лбу с характерным шлепком. – Это когда ты делаешь вот так от чьей-то дикой тупости или нелепости! Ну, типа, твой вид – это настолько кринж, что хочется спрятаться! Понимаешь?

Ее смех был таким искренним, что я на секунду забыла про снисходительный тон. Этот жест, это слово… Это был целый язык, на котором говорил молодежный мир. Жизнь

стремительно летела вперед, пока я стояла у плиты, суетилась по дому. Я представила, как растерянно стою на станции метро, а окна мелькают перед глазами, а потом вдруг исчезают в черном туннеле.

– Поняла, – сказала я, и уголки губ сами собой дрогнули в слабой улыбке. – Значит, мой вид вызывает желание… ударить себя по лицу?

– Ну да! – обрадовалась Алиса, что я наконец-то врубилась. – В общем, иди переодевайся, а то ща будет еще один фейспалм на ровном месте.

Я медленно пошла к спальне, в голове отзывалось это странное слово. Оно было смешным и грустным одновременно. А ведь именно это я и хотела сейчас проделать, глядя на себя со стороны – шлепнуть по лбу за то, что позволила всему этому случиться.

Я переоделась в вечернее платье и вернулась в комнату под свет софитов. Шелк платья переливался, словно смеясь надо мной, и я чувствовала себя переодетой ёлкой на утреннике для взрослых. Моя попытка улыбнуться была больше похожа на гримасу.

– Ну, уже лучше, – оценивающе протянула Алиса, в очередной раз водрузив телефон на штатив. – Лан, заново. Только, мам, я умоляю, не делай лицо, будто тебя сейчас вынесут вперед ногами. Включи режим «спокойной, умиротворенной богини», ок? Той, что сварить борщ не составит труда.

– Я не уверена, что богини занимаются борщами, – пробормотала я, пытаясь придать лицу хоть какое-то подобие «умиротворения».

– А ты представь, что это фэнтези! – бодро посоветовала она. – В общем, поехали. И… начали!

Она включила запись. Я взяла простыню. Пальцы предательски дрожали.

– «Всем привет, это снова Алиса, и сегодня со мной моя мама, Светлана, которая покажет…»

Я запнулась. Текст, который мы повторяли утром, бесследно вылетел из головы.

– …которая покажет, как за тридцать секунд… – прошипела Алиса, сладко улыбаясь камере.

– …свернуть простыню так, чтобы она не мялась, – выдавила я.

Я сделала привычное движение – хлопок, складывание, еще хлопок – но в этот самый миг простыня выскользнула из моих ладоней, и зацепившись за угол стола, с грохотом потащила за собой бутафорскую вазу с искусственным букетом роз. Осколки разлетелись по комнате.

Тишина повисла густая, как кисель. Алиса бессильно опустила телефон. Она сделала это с таким трагическим пафосом, будто хоронила свои шансы на «Видеоблогера года».

– Ну. Вот. И. Все, – заныла она, и каждая буква звенела от бешенства. – И зачем я потратила полдня! Я могла бы снимать распаковка новых кроссовок, которые все ищут, а я

тут… тут… – она не нашла слов и со всей дури показала тот самый фейспалм, стукнув себя по лбу. – Ты просто портишь мой контент! Ты в него не вписываешься! Папа прав – ты вообще не в формате!

Слова «папа прав» врезались, как нож в масло. Ледяная волна накрыла меня с головой. Я хотела вздохнуть, но весь воздух из легких будто выкачали.

– Что папа сказал? – переспросила я, и голос внезапно пропал.

Алиса, ослепленная яростью, не заметила, как влетела в запретную зону.

– Он говорит, что ты не шаришь за современные тренды! Что живешь прошлым, не хочешь меняться, ты осталась в нулевых. Устаревший формат! Я папе вчера показывала сторис Лики – так вот она вообще огонь! Она идеально вписывается в любую концепцию! И в спорт, и в гламур, и в путешествия! А ты… ты…

Она замолчала, увидев мое лицо. Должно быть, оно было абсолютно белым, как эта «несчастная» простыня.

– Что это за Лика? – спросила я, и звук вернулся в мой голос, став тихим и очень опасным.

Алиса замерла. Щеки ее покрылись румянцем. Она поняла, что накосячила по полной.

– Ну… Лика. Фитнес-тренер. Она с папой… Они… теперь работают вместе. Она его… лицо его клубов. И она просто краш! – выпалила она, отступая на шаг, и пулей вылетела

из комнаты, предательски хлопнув дверью.

Я осталась одна. Под ярким светом ламп, в нелепом голубом платье, среди осколков вазы и своего разбитого самолюбия. В воздухе повисло напряжение, и аромат «успешной семьи», вдруг показался таким же искусственным, как эти розы на полу.

«Его краш». «Не в формате». «Работают вместе».

Мысли, каруселью носились по кругу. Медленно подняв простыню, я прижала ее к груди, и так и стояла, как побитая, потертая временем фигура на аттракционе, который вдруг отключили, и веселье ушло без следа. Слеза покатилась вниз по щеке горькой полосой, смывая остатки иллюзий и планов на сегодняшний день.

Слова дочери метко попали в цель, она пронзила меня насквозь. Я была женой и матерью, надежным, удобным тылом. И теперь по глянцевой поверхности этого образа будто разлили утренний кофе…

Я замерла в центре гостиной в своем нелепом платье. Тишина после хлопка двери была оглушительной.

Андрей…Что ты сказал? Устаревший формат? Как же наша история, наши общие победы, бессонные ночи у кроватки дочери и мое добровольное отречение от карьеры… Ты упаковал это так лаконично, так убийственно…

Легкое дуновение из окна донесло запах моих же духов, во мне что-то щелкнуло. Не громко, а тихо, как сдвигается с места давно заклинившая шестеренка. Боль никуда не де-

лась. Но к ней присоединилось нечто иное. Холодный, безжалостный интерес. Да. Интерес.

Кто эта его… Лика?

Глава 2

Его телефон лежал на тумбочке, как готовая ужалить гремучая змея.

Андрей был в душе, шум воды заглушал все остальные звуки в нашей спальне, выдержанной в стиле «успешной стабильности». Именно так он назвал интерьер, когда мы его выбирали.

Руки дрожали, как тогда, под софитами. Но сейчас дрожь была иная — не от стыда, а от леденящего ужаса. Я знала, что делаю что-то непоправимое, переступаю черту, за которой уже не будет возврата к иллюзиям. Но слова дочери жгли мозг: «Папа прав — ты не в формате».

Пароль в телефоне все тот же. Наша с Алисой дата рождения.

Соцсети. Мессенджеры. Я лихорадочно листала, сердце бешено колотилось. И тут... я увидела ее. Лику. Это было откровенное фото — совместное селфи в зеркале его кабинета. Рука мужа обнимала ее за талию, а улыбка Андрея была такой, какой не видела уже годами — беззаботной, почти мальчишеской. Лика, молодая, высокая, стильная, прижималась к нему, как к своему законному трофею.

Мир сузился до размеров экрана. Пальцы побелели, сжимая телефон, прилипший к ладони. Я открыла их переписку. Сначала мелькали безликие рабочие термины. Сообщения

пестрили профессиональным жаргоном, который когда-то был и моим родным. «Синергия», «охват», «KPI». Но между делом, вкраплениями, шли другие слова...

Андрей: «Сегодняшняя съемка — огонь. Ты была великолепна. Настоящее лицо бренда».

Лика: «...как необычно ты обсуждал со мной контент-план вчера в отеле».

Словно кулак в солнечное сплетение. Воздух с шумом вырвался из легких. Я физически ощутила тупую, горячую волну внизу живота. «В отеле». Не в баре, не в кафе... В отеле. Фраза обожгла мозг, оставив после себя едкий дым.

Андрей: «Я до сих пор под впечатлением...»

«Под впечатлением». Мой муж, мой Андрей, который в последний раз говорил о каком-либо «впечатлении» лет пять назад, и в основном речь шла о просмотренном фильме. Эти слова, адресованные другой женщине, пронзили меня насквозь, чувства зависти и унижения слились в одно. Я представила лицо мужа — то самое, счастливое и расслабленное, каким оно бывало после большой победы или в первые годы нашего брака. Теперь все принадлежало ей.

Я лихорадочно пролистывала дальше, уже не читая, а впиваясь в слова, словно раскаленные угли. И вдруг мой взгляд упал на последнюю строчку. Та, что добила меня окончательно.

Андрей: «...Договорились. Только будь осторожнее, отправляя сообщения. Света хоть и устаревший формат, но не

дура».

«Устаревший формат». Те самые слова, которыми вчера, как плетью, стегнула меня Алиса. Он не просто думал так. Он это озвучивал другой женщине. Неужели это правда? Это мой Андрей? Внутри стало пусто, как будто оборвалась связь с прошлым. Все унижение, весь шок вдруг кристаллизовались в одну ясную, холодную точку. Андрей не только предпочел другую. Он с цинизмом и призрением выбросил меня на свалку устаревших концепций, как бракованный товар, и боялся лишь того, что я замечу раньше, чем Андрей закончит свой «ребрендинг».

По лицу потекли слезы, но я их не чувствовала. Рука, сжимавшая телефон, онемела. Мне казалось, что я сейчас разобьюсь о пол, рассыплюсь на сотни осколков, как ваза с сухими цветами. Я сглотнула ком, подступивший к горлу, и медленно, с нечеловеческим усилием, положила телефон обратно на тумбочку, ровно на то же место. Каждое движение давалось скрипом перегруженных мышц. Я была опустошенной. Выжженной. И в этом вакууме оставалась только одна мысль, ясная и неумолимая: все кончено. Тот мир, та жизнь, та Светлана — их больше не существует.

В эту секунду меня перенесло в прошлое. Яркая вспышка: мы в переполненном баре после вручения премии. Я со статуэткой в руках, сияю. Андрей, еще молодой, с горящими глазами смотрит на меня, не отрываясь. Он обнимает меня за плечи и говорит своему другу, крича ему через шум тол-

пы: «Видишь? Это гений! Мой главный актив! Я бы никогда не рискнул открыть свое дело, если бы не её смелость и ум!». Он тогда сказал мне на ухо, пахнувший виски и восторгом: «Ты звезда, Светка. Я буду всю жизнь за тобой тянуться». Его восхищение было таким искренним, что казалось, его хватит на всю жизнь.

В ушах зазвенело. Комната поплыла по кругу. Шум воды в душе прекратился. На кресле я нащупала сумку. Руки были ледяными.

Мне нужно было бежать. Куда угодно. Так, чтобы не встретить его лица, его глаза.

— Света, ты не видела... — начал он, выходя из ванной в облаке пара, но я уже пронеслась мимо, бормоча что-то про срочные дела на даче, что надо проверить дом, звонили соседи. Я не смотрела на него. Боялась, что он увидит в моих глазах отражение его же предательства.

Весь путь на дачу был инерцией сквозь собственную боль. Я мчалась по трассе, стиснув руль так, что похолодевшие пальцы покраснели. Окна были открыты настежь, и ветер, врываясь в салон, пытался выдуть из головы два слова: «устаревший формат». Они обгоняли надрыв мотора. Внутри все кричало от унижения, ярости, страха. От предательства нас молодых, которые верили, что их любовь и амбиции — навсегда. Слезы текли по лицу, смешиваясь с ветром. Я была разбита вдребезги, и эти осколки больно впивались изнутри.

Вдруг зазвонил телефон. На центральном экране маши-

ны высветилось: «Алиса». Сердце упало куда-то в пятки. Я левой рукой поднимая стекла, чуть не въехала в отбойник. Притормозила. Вдохнула судорожно, вытерла лицо тыльной стороной ладони и нажала кнопку принятия вызова.

— Мам... — ее голос был тихим, заплаканным. — Ты где? Ты... ты очень злишься?

Я молчала секунду, заставляя себя дышать ровно. Холодная ясность, странная и пугающая, начала проступать сквозь шок.

— В машине, еду на дачу, — сказала я ровным голосом, отключив эмоций. Тем тоном, который я использовала на переговорах, когда нужно было скрыть свою неуверенность.

— Я... я накосячила. Я не хотела... — она всхлипнула.

— Что ты не хотела, Алиса? — спросила я, все также спокойно. — Не хотела говорить правду? Или не хотела, чтобы я ее узнала?

— Я не знала, как сказать! Папа... он...

Мое сердце заколотилось с новой силой. Вот эта тайная дверь. Нужно было подобрать к ней ключ.

— Папа уже все мне рассказал, — солгала я, вкладывая в голос усталую покорность, будто принявшую неизбежное. — Про Лику. Про то, что они встречаются. Я все понимаю.

Тишина в трубке была оглушительной. Потом раздался тихий, прерывистый вздох.

— Так ты... ты знаешь? — ее голос дрожал. — Он сам тебе сказал? Но он же... он же велел мне молчать! Сказал, что ты

не поймешь, устроишь скандал!

Ледяная волна прокатилась по моей спине. Подтверждение. Прямое. Из уст дочери. Это неслучайные подозрения и флирт в сообщениях. Она знала... Знала! И он заставил ее молчать.

— Когда? — односложно бросила я, уже не скрывая жестокости. — Когда ты узнала? И как долго это длится?

— Мам... — она снова заплакала. — Я случайно... месяца три назад увидела их в кафе. А потом... потом папа сказал, что это большой секрет, все это для бизнеса, так надо. Что Лика — это часть нового имиджа. А ты... — она замолчала, поняв, что сейчас произнесет что-то лишнее.

— А я — часть старого? — договорила я за нее, и мой голос, наконец, дал трещину, в нем послышалась боль, которую я пыталась задавить. — И ты согласилась с этим? Помогала ему хранить этот «секрет»?

— Он сказал, что мама не справится! Что развалишься! — выдохнула она в истерике. — А я... Я испугалась! И мне стало стыдно перед тобой!

Внутри меня все запылало. Дочери стыдно, не за отца, не за его ложь. Ей стыдно передо мной. За то, что мать — жертва. Жалкая, слабая, жертва, что она «не справится».

— Я все поняла, Алиса, — и голос мой снова стал холодным. — Спасибо за честность.

— Мама, подожди!..

Рука скользнула по на красной кнопке на экране. Звонок

оборвался. Салон наполнился тишиной, но теперь она была иной — тяжелой, давящей. Эмоций уже не было, хотелось бежать, спрятаться. Хотелось на время забыть всю прежнюю жизнь. В ней, как немом кино, присутствовала вся семья. Муж в роли предателя. Дочь в роли молчаливой сообщницы. А я — в роли главной жертвы... Ну уж нет! Я бунтовала! Эта роль не для меня!

Устало смотрела на дорогу, убегающую вперед. Я сорвалась на дачу, чтобы спокойно все обдумать и не устраивать Андрею разборки. Мчала по трассе за чем-то важным, там, в дали от городской суеты, осталось мое детство.

Осенний дом встретил меня заброшенным молчанием. Я толкнула скрипучую калитку и вдохнула чистый воздух полной грудью. Пахло моим детством. Моим прошлым, которое, как оказалось, было куда лучше настоящего. Луч солнца в этом месте присутствовал всегда, несмотря на сырую, дождливую погоду.

Отыскав ключ, я вошла в темный, заброшенный дом, не глядя нащупав выключатель. В прихожей, на старой этажерке, пылился ноутбук, древний, как мамонт. Я отнесла его на веранду, села с ним в плетеное кресло, с которого когда-то кормила Алису манной кашей.

Древний ноутбук «завелся» со скрипом. Отыскав папку «Архив», на меня обрушился поток забытых фотографий.

Неуверенная домохозяйка, которую так пристыдила собственная дочь, «устаревший формат», всё, как по волшеб-

ству растворилось. Передо мной на экране возникала девушка. Неужели это я? С короткой стрижкой, в смелом пиджаке, с горящим взглядом.

Премии, дипломы, грамоты. Концепции, которые когда-то гремели на всю страну. Я листала слайды, читала слоганы, которые придумывала и радовалась их точности. Они были дерзкими, ироничными, пронзительными. Вспоминала каждый проект, каждый брейншторм, каждую победу. Это была не просто работа. Это была жизнь. Моя жизнь.

Разглядывая фото, передо мной вдруг появилась та Светлана: она стояла на сцене, с дипломом в руках и улыбалась так, будто могла свернуть горы. Куда же она делась? Ее погребли под кучей накрахмаленного белья, под убаюкивающие слова мужа: «Не волнуйся, я все обеспечу, на тебе весь наш дом».

В тот момент, когда я вновь ощутила вкус побед и оваций, зазвонил телефон. Андрей. Экран гаджета показывал статус — «муж», а его имя, оно вдруг стало таким далеким и чужим.

Я взяла трубку. Ком в горле, не давал вздохнуть, и я молчала, прижав телефон к уху. Голос Андрея был спокоен, ледяной осколок внутри меня застыл окончательно.

— Света, я только что поговорил с Алисой. Она очень расстроена. Она мне все рассказала.

В его голосе ни капли сожаления, ни тени вины, как будто речь шла о несвоевременно поданном отчете, или о неудач-

ной рекламной кампании.

— Послушай, нам нужно поговорить. Я думаю, мы по-разному росли в бизнесе и двигались в противоположных направлениях.

«Росли». Это слово прозвучало так цинично. Он «рос». А я? Я стояла на месте, пока он возводил свой храм из стекла и бетона. Успех его бизнеса был возведен на пепелище нашего общего прошлого.

Я продолжала молчать, глядя на экран ноутбука, где я молодая, дерзко улыбалась с плаката собственной революционной кампании.

Андрей начал нервничать и подогревать себя:

— Ты не хочешь двигаться вперед. Не видишь новых трендов. Ты стоишь на месте или идешь в противоположную сторону. Ну скажи мне, Света, куда ты двигаешься? Ты живешь прошлым. Светик — продолжил он, и в его голосе послышалась уже не констатация факта, а легкое, терпеливое раздражение, как при объяснении очевидных вещей непонятливому ребенку. — Ты цепляешься за то, что было семнадцать лет назад. Эти твои награды, твои старые концепции... Мир изменился. Ты не хочешь это видеть. Тебе не доступны новые горизонты.

Каждое слово было точно подогнано, как пазлы на картинке. Андрей знал, куда бить. Для меня эти награды — не пыльные безделушки с полки, это молчаливые свидетели моих профессиональных побед.

— А наша семья... — Андрей выждал небольшую паузу, давая мне прочувствовать вес того, что сейчас выложит. — Наша семья — это бренд, Света. Сильный, успешный. Я его выстроил. Я его раскрутил. А ты... — он вздохнул, и в этом вздохе было что-то беспощадное. — Ты тащишь назад в прошлое. Нам — это не нужно. Все это — слабое звено. Ты не соответствуешь уровню...

Андрей продолжал что-то еще говорить...

«Тащишь назад». «Слабое звено». «Не соответствуешь уровню». Звучало, как обвинительный приговор. Вся моя жизнь рассыпалась — семнадцать лет материнства, заботы о доме, муже, поддержка его начинаний — была сведена к одной-единственной роли. Я помеха, слабое звено в идеально отлаженном механизме. Андрей обрушил последний удар. Он вдруг обесценил все, чем я была, чем я жила. Взял мою жизнь, любовь, мой вклад, и выставил за дверь, выставил все, что мешало идеальному «бренду».

Во рту пересохло, а все слова, что вертелись на языке — упреки, крики, слезы — казались теперь ненужными, как и я сама. Андрей говорил с позиции силы, с холодной логикой бизнеса, а я стала всего лишь неудачным активом, от которого хотели избавиться.

Я не ответила. Только опустила руку с телефоном, разжав пальцы, и он упал на старый стол. Андрей что-то говорил там, в трубке, но голос был далеким и незначительным, как жужжание мухи за стеклом: «Света? Ты меня слышишь? Я

говорю, нам нужно цивилизованно обсудить детали...»

Но я уже не слушала. Я смотрела на свою пыльную награду, статуэтку, отливающую серебром, потом на экран, где мелькали слоганы, дерзкие рекламные концепции. И вся моя жизнь, навеянная воспоминаниями, была единственным ответом. Андрей не просто рушил семью, он взял и без раздумий выбросил ее, со словами «не соответствует уровню».

Глава 3

Я въезжала в город, который встречал меня пробками, но не от шампанского. После спокойной, умиротворенной дачной жизни, как-то сразу начинаешь скучать по закатному солнцу среди берез, по прозрачному воздуху и звездному небу. И вдруг — он город! Родные рекламные щиты… Цивилизация встречает тебя как навязчивый продавец-консультант, протягивая ненужный товар. Ты поневоле читаешь, запоминаешь и бубнишь под нос слоганы, меняя на более пристойные. Город лезет в глаза яркими витринами, в уши — обрывками чужих разговоров, в нос — смесью кофе и выхлопных газов. Такой привычный для обывателя, гул машин, мокрый асфальт и энергия света. Это похоже на переключение телевизора с канала «Релакс» на «Хаос-TV». «Всё как мы любим», — сказала бы я в другой день.

Я вела машину на автопилоте, и жизнь казалось чужой. Меня ждал совсем не мой дом. В голове заела пластинка с двумя словами: «неформат... неформат...» Этот внутренний диалог звучал с таким постоянством, что я начинала мысленно дополнять: «Неформат для чего? Для кого? Для собственной семьи?»

В этой суете и потоке машин, к горькому привкусу предательства добавилось что-то новое — щемящее чувство потери самой себя. Та Света, которую так легко списали со сче-

тов, начинала бунтовать. Ей было тесно в роли «слабого звена».

Я будто возвращалась в квартиру, где все расставлено по-другому, и тебе приходится постоянно на что-то натыкаться. Мысли, что меня ждет «полное несоответствие», вызывали чувство тревоги, от которого уже накатывала усталость. Хотелось отвлечься. Не доезжая до дома, я зарулила в эко-маркет за углом. Здесь продавали что-то без глютена, что-то без молока и что-то без мяса. Вся атмосфера, казалось, наполнена деньгами и благополучием. Нужно было купить Алисе ее любимый кокосовый йогурт — жест капитуляции, белый флаг, который я по привычке готовилась вывесить.

Пока я стояла в очереди, мой взгляд упал на двух девушек, лет двадцати пяти. Они разговаривали так громко и увлеченно, что игнорировать их было невозможно.

— ...и я тебе говорю, этот клиент — сплошной когнитивный диссонанс! — с пафосом говорила одна, с розовыми волосами и в огромных очках.

— А мы ему что? — отвечала вторая, с ноутбуком под мышкой. — Мы ему в «Цехе» всю стратегию на коленке за вечер и нарисовали, пока Игорь кофе таскал.

«Цех». Странное название для кафе. Имя «Игорь» прозвучало как далекий отголосок, но я не придала значения. Меня зацепило другое — энергия, с которой они говорили. Та самая, что была когда-то у меня. Энергия созидания, а не уничтожения.

— А где этот ваш «Цех»? — вдруг спросила я, сама удивившись своей наглости. — Вы не подскажете?

Девушки обернулись, оценивающе меня оглядели. Но не с враждебностью, а с любопытством.

— Антикафе «Цех», на углу Пятницкой... — розововолосая, сгустив брови, подняла глаза к потолку. — Ну там еще церквуха напротив... Уютно и хозяин — настоящий гуру в рекламе. Место силы для нашей братии.

— Спасибо! Найду, — Я кивнула и взяла свой йогурт.

Выходя из магазина, точно знала, куда поеду. Место для креативщиков мне пойдет на пользу. На этот вызов хотелось ответить. Адреналин зашкаливал.

Машина сама привела меня в центр к старому, невзрачному зданию с табличкой «АнтиКАФЕ». Ну конечно, идеальное место для тех, кто хочет побыть вроде как в кафе, но вроде как и нет. Как я — была жена и мать, а теперь как будто и нет. С улицы не было и намека, что здесь «тусуются» местные креативщики. А что я ожидала увидеть, ромашки на стенах, яркие граффити? Захотелось, снова спрятаться, посидеть в закутке и подслушать, о чем говорит новый мир, тот ускользающий, что с такой легкостью лепит штамп «не в тренде».

Внутри пахло кофе и бунтарским духом. Воздух был заряжен энергией и какими-то незнакомыми словами. Арочные потолки и грубая кирпичная кладка, контрастировала с ажурными люстрами и лепниной. Причудливые нагромож-

дения вентиляционных труб под потолком, как паутина, добавляли конструктивизма, и вывеска «ЦЕХ» уже не выглядела оправданием. Приглушенный свет, разношерстные диваны и кресла, окруженные стеллажами до потолка, раздвигали пространство. На полках красовались корешки книг, журналов и комиксов. Все это вносило семейный уют и располагало к отдыху.

Я плюхнулась во что-то мягкое, заказала латте и огляделась. За соседним столом трое юных созданий в винтажных свитерах, с включенными ноутами и айпадами, бурно обсуждали какой-то проект.

— Лан, это надо закинуть в таргет...

— Нужен виральный хук, чтобы за первые сутки собрать сто тысяч просмотров...

— А давайте замутим коллаб с тем блогером, у него же просто адовый охват!

Я слушала и чувствовала себя археологом, пытающимся расшифровать клинопись на глиняной табличке. Понимание слов было. Но, только каждого слова по отдельности. Вместе они складывались в абсолютно чуждую мне мантру. Мой мир был миром «большой идеи», глобальной концепции, красивого образа. Их мир был миром «хуков», «охватов» и «виральности». Меня охватила паника. Они правы. Я устарела. Я динозавр.

Но вдруг я услышала свой внутренний голос, один вопрос не давал покоя: «А где же здесь изящный ритм, душа? Где

история?»

— Простите, вы Светлана?

Я вздрогнула и подняла голову. Передо мной стоял мужчина, на вид лет сорока пяти, на его лице читалось удивление, и он поправил очки в роговой оправе. У него была ухоженная прическа, от которой лицо, казалось, моложе. В голубых глазах светилась смесь восхищения и теплой искорки, которая зажглась давно, много лет назад.

— Простите за бестактность, — улыбнулся он. — Но вас невозможно не узнать. Игорь. Мы учились вместе в институте.

Память выхватила из архива образ: ярый идеалист, помешанный на чешском кинематографе, который влюбленно таскал за мной по коридорам папки с эскизами.

— Игорь? — выдавила я, все еще находясь во власти своего смятения. — Я рада! Какая встреча! — Здесь? В этом... Э-э... «Царстве хаоса»?

— Что ж, пусть будет «царство хаоса», и да, отчасти это так! И я его основатель и вдохновитель, — поправил он, пододвигая стул. — Можно?

Я кивнула, не в силах найти слов.

Игорь, отпустив спинку стула, не сводил с меня глаз, в которых, как и моих, читалось неподдельное изумление.

— Простите за бестактность, но... Светлана? Хм... Света! Не может быть! — в его голосе звучала такая теплая, немедленная радость, что у меня ёкнуло сердце. Он отступил на

шаг, будто желая убедиться, что я не мираж. — Вот это да! Годы действуют на тебя по какому-то особому, благоприятному рецепту.

— Да брось, — выдохнула я, и губы сами растянулись в улыбке — первой за этот бесконечный день. — Ты владелец... Хм... Исправлюсь и назовем — «царство креатива»... Невероятно!

— А второй вариант концепции слишком сладок и чуть менее хорош, — подмигнул он сияя. Его взгляд скользнул по моему лицу, и в нем не было ни капли оценки или сравнения, только искреннее, почти мальчишеское восхищение. — Знаешь, я порой прохожу по залу и ловлю себя на мысли: «Вот, Игорь, ты построил это место, где кипит жизнь. Неплохо, но где наше время? И грусть носится в сердце». А сейчас смотрю на тебя и думаю: вот оно, настоящее воплощение стиля и элегантности, которое не подвластно времени. И тоска пропала, будто не было. Даже мои кирпичные стены раздвинулись от удивления.

Я рассмеялась, чувствуя, как лицо краснеет от смущения. После ледяного тона Андрея и колючих взглядов дочери это внезапное, щедрое, пусть и завуалированное восхищение, было как глоток свежего воздуха.

— Остановись, Игорь, а то я поверю, что все еще та самая девчонка с папкой эскизов, — отмахнулась я улыбаясь.

— А ты ею и осталась, — сказал он вдруг серьезно. — Во взгляде — точно. Я бы узнал эти глаза за версту! Помнишь,

как ты на защите диплома, так смотрела на комиссию, что те растаяли от умиления? — Он снова улыбнулся, но уже мягче.

Его взгляд скользнул по моим рукам, бессознательно теребящим салфетку, по слишком нарядному для этого места платью.

— Но что ты, такая яркая, делаешь в моем скромном «ЦЕХе» в разгар дня? Ищешь вдохновение или стремительно бежишь от городской суеты?

Игорь попал в точку. Он всегда интуитивно чувствовал людей, их перепады настроения. Тактичность — его конек. Он не спросил: «Что случилось?», «Почему у тебя такое уставшее лицо?». А просто дал мне пространство, предложив более легкие варианты.

— Хотела глянуть на молодых специалистов, но в итоге чувствую себя последним динозавром. Их язык... — я кивнула в сторону ребят, — он для меня как китайские иероглифы. «Крашим», «закидываем в таргет»... Я ничего не понимаю.

Игорь оживился, эта тема была ему очень знакома. Он посмотрел на меня как коллега, видя не растерянную женщину, а профессионала, который неожиданно заблудился, попав в другое время, в другой ритм. И этот взгляд мне нравился.

— Света, да перестань, — смягчился Игорь. Не бери в голову. Я тебе так скажу: реклама не изменилась. Ни капли.

— Давай по старинке? — он сел и достал из кармана жи-

летки маленькую шоколадку в тёмной обёртке и положил на стол. — Проверенный антистресс. Горький, 85%. Не как те сладкие батончики, что мы в институте за копейки покупали.

Неожиданный жест заставил меня растеряться. Это что тест? Я взяла шоколадку в руки.

— Интересно. А что, батончики уже не в тренде? — я попыталась шутить, чувствуя, как скованность понемногу отступает.

— В тренде осознанное потребление, — парировал он, с лёгкой улыбкой. — И цикорий. Но этот продукт, как выяснилось, совсем не похож на кофе, сколько его ни называй «здоровой альтернативой».

Он откинулся на спинку стула, сложил руки и посмотрел на меня с вызовом, который я тут же узнала — точно так же он смотрел во время мозговых штурмов в институте.

— А теперь, Светлана, тебе небольшой экзамен. Вопрос, так сказать, на засыпку. — Он указал подбородком на шоколадку в моих руках. — Перед вами клиент. Горький шоколад, 85%. Целевая аудитория — офисные работники 30+, уставшие от сладкого, но нуждающиеся в энергии. Ваши первые три идеи? Без подготовки, с ходу. Как в старые добрые.

Я замерла. Мозг, долгие годы занятый составлением меню и списков продуктов, на секунду завис. А потом... потом что-то щёлкнуло. Словно проснулся давно забытый мускул.

— Первое, — сказала я, вращая шоколадку в пальцах. — Не «энергия». Слишком банально. Это «концентрация».

Один квадратик — пять минут тишины от внутреннего шума.

Игорь одобрительно кивнул, не сводя с меня глаз.

— Второе... — я уловила его насмешливый взгляд на моём платье. — Второе. «Ваше чёрное платье для мозга». Элегантно, некалорийно и спасает в любой кризисной ситуации.

Он рассмеялся, громко и искренне.

— Браво! Идём дальше. Третья идея. Самая сильная.

Я закрыла глаза на секунду, позволив старой интуиции взять верх.

— Третье. Внутренний ребёнок устал от взрослой жизни. Но он не хочет сладкой ваты. Он хочет... — я сделала драматическую паузу, — ...взрослой, умной радости. Слоган: «Вкус, от которого хочется стать взрослым. Снова».

Игорь изящно, с театральным почтением, похлопал. Искреннее восхищение в его глазах было лучшей наградой за все последние годы забвения.

— Шедевр, — произнёс он. — Пять баллов и зачёт автоматом. Абсолютный слух на концепции никуда не делся. Я, если честно, подловить тебя хотел. Подумал, что семейный быт уколол тебе смертельную инъекцию.

— А ты, так и остался врачевателем душ. Я помню: «здоровое пробуждение к жизни». Это была твоя «упрямая» концепция, — парировала я, чувствуя, как возвращается азарт.

— Ой, только не напоминай! — Игорь зажмурился, как от боли. — До сих пор краснею. Помнишь, как я на тре-

тьем курсе доказывал, что для продвижения йогурта нужно использовать образ молодой матери, читающей Хайдеггера? «Йогурт для осознанного материнства»!

— А я тебе говорила, что это провал! — засмеялась я, с наслаждением вспоминая тот спор. — Но ты был так упёрт!

— Ну, я тогда влюблён был, — отмахнулся он. — Не в образ матери, правда, а в философию. Это тогда накладывало отпечаток на все мои креативные порывы.

Мы вспоминали, смеялись, и в этом смехе было что-то очищающее. Игорь не просто льстил, окрыляя прошлым. Он видел. И он проверял — шутя, проверял — жив ли ещё тот «рекламщик», которым я была. И, кажется, мы оба были приятно удивлены ответом.

Наш большой город, — продолжил Игорь — как плохо сверстанный лендинг: все кричит «купи», «беги», «успей», а где найти кнопку «ПАУЗА» — непонятно. Здесь в «ЦЕХе» пытаюсь воссоздать дикую природу. Выращиваю цветы, — он обвёл рукой пространство вокруг. — Приходят гости и давят со всей мощью на эту «паузу». Правда, частенько заполняют её таким креативом, что мне самому учиться у них приходится.

Один из «вирусологов» за соседним столиком как раз в этот момент возбуждённо крикнул: «Лан, крашим эту идею в ноль!». Игорь вздохнул с преувеличенной скорбью.

— Вот видишь? Ещё вчера «разрабатываем концепцию», а сегодня уже «крашим». Язык стремителен, как время. Но,

знаешь, что меня в этом всём утешает? — Он прищурился, и в его глазах заплясали озорные искорки. — Что под всеми этими «крашами» и «виральностями» всё равно скрывается древний, как мир, вопрос: «Как продать эту штуку?». Игорь постучал по шоколадке. — Смотри, раньше мы для этого снимали мини-фильмы про счастливые семьи, а теперь — записываем кричащие сквиши на пятнадцать секунд. Суть та же. Меняется только... громкость. Мы кричим!

Я невольно рассмеялась. Это было так точно подмечено.

— Так ты считаешь, что мы явно были тише?

— Мы были... аналоговее, что ли — с невозмутимым видом изрёк он. — И, между нами, знаешь, в этом была своя прелесть. Помнишь, как мы в аудитории мучились над одним слоганом неделю, потому что Федор Семенович говорил: «Мысль должна вызревать, как дорогой сыр!». А сейчас мысль должна взорваться, как попкорн в микроволновке. Результат быстрый, но глубины, знаешь ли, маловато.

Игорь говорил легко, без тени высокомерия, словно не осуждал, а лишь констатировал факты. И в этой неспешной беседе о сыре и попкорне не было ни капли пафоса, зато было много живого, настоящего интереса к профессии.

— А ты не пробовал им это объяснить? — кивнула я в сторону шумной компании. — Про «сыр»?

— Пробовал, — Игорь усмехнулся. — Мне вежливо предложили провести воркшоп по «олдскульному пиару... Хм... Для ознакомления с историей вопроса». — Он отпил свой

дымящийся капучино. — Но я не сдаюсь. Периодически подкидываю им в работу... какую-нибудь нашу классику. На прошлой неделе, например, пытался впихнуть в креативную концепцию цитату Огилви. Молодой дизайнер посмотрел на меня, как на мумию, и спросил: «А это кто? видеоблогер?».

Я фыркнула, представив эту картину. Напряжение окончательно ушло. И вот только тогда, когда между нами установилась лёгкая, почти студенческая атмосфера, Игорь взглянул на меня с теплой серьезностью и сказал:

— Ты не поверишь, Свет, я до сих пор вспоминаю твою кампанию «Проснись и пой» для того самого кофе. Это было гениально. Легендарно. Помню, как мы все на защите твоего диплома аплодировали стоя? И это прозвучало уже не как пустой комплимент, а как искреннее, выстраданное признание человека, который тебя понимает.

Я почувствовала, как по телу, пробежала волна, а щеки залил предательский румянец. Не от стыда, а от чего-то давно забытого — от профессиональной гордости.

— Помню, — прошептала я. — Ты тогда сказал, что я «переиграла самого Огилви».

— И не отказываюсь от своих слов, — он рассмеялся, и в его смехе было что-то настолько живое и настоящее после ледяного тона Андрея, что мне захотелось плакать. — А что нам подслушивать у молодого поколения? — продолжил он. — Спасет ли нас этот шпионаж в пользу умирающих классиков?

— Скорее... да, чем нет, — И моя горькая улыбка превратилась в ухмылку. — Знаешь, я ничего не понимаю. Их язык... Он как будто с другой планеты. Я чувствую себя последней дурой.

Игорь нахмурился, его взгляд стал серьезным. Он смотрел на меня не как на несчастную жену, не как на мать-неудачницу, а как коллега. Как на равную.

— Ну вот, Свет, опять ты за свое, — сказал он мягко, — Не парься над этим! Пусть мир другой. Реклама все таже!

Я скептически хмыкнула, кивая в сторону соседнего стола: — Ну да. Вот эти их: «Крашим», «закидываем в таргет»... Не узнаю... Это та самая реклама?

— Нет, — Игорь отхлебнул своего капучино. — Это всего лишь их инструменты. Каналы изменились. Форматы. Но суть та же. Люди все так же хотят историю. Только теперь, — Игорь пронзил меня острым взглядом, — теперь она должна быть короче. И честнее. Гораздо честнее. А твои старые ролики... в них была именно эта честность. И юмор. Помнишь, как мы за твою шутку для слогана пивного бренда чуть не вылетели с факультета?

Я помнила. И от этих воспоминаний на душе потеплело, как от солнечных лучей в хмурый день. Огонек в его глазах разжег внутри меня тлеющую искру.

— Ты хочешь сказать, что я еще не конченая старуха? — зло пошутила я, и в голосе впервые зазвучали нотки надежды.

— Я хочу сказать, что «Проснись и пой» в новом мире взорвало бы соцсети, — улыбнулся Игорь. — На новой волне упаковали бы эту рекламу в 15 секунд. Не бойся их сленга. Бойся потерять свой голос. А он у тебя, уж поверь старой гвардии, все еще есть.

В его словах не было ни капли снисхождения. Была твердая вера. Та самая, которую я когда-то чувствовала в себе. Игорь смотрел на меня и признавал не «устаревший формат», а успешного, подающего надежды, креативного директора. И в этом взгляде было что-то такое, от чего захотелось снова стать той самой Светланой. Той, что когда-то заставляла тысячи людей просыпаться и петь.

Глава 4

Возвращаться в свою жизнь после теплой атмосферы «ЦЕХа», было равносильно спуститься с гор в ледяную пещеру. Воздух в квартире, казалось, застыл от невысказанных обид и фальши. В прихожей, на зеркале, куда я всегда смотрелась, проверяя, на месте ли я, теперь отражалась чужая, уставшая женщина.

На кухонном столе лежала записка от Алисы: «Ушла к Кате готовиться к экзамену». Вранье. Я почувствовала это нутром. Она попросту избегала меня. Я оставила в прихожей пакетик с кокосовым йогуртом — тот самый, купленный утром, недвусмысленно напоминающий о моей роли «поставщика бытовых услуг». Мой белый флаг, который никто не заметит.

Алиса пришла через час. Я сидела в гостиной, притворяясь, что читаю, но буквы сливались в одно серое пятно.

— Мам, — ее голос прозвучал отстраненно. Она увидела йогурт, взяла его без слов и направилась к своей комнате.

— Алиса, давай поговорим, — тихо сказала я, откладывая книгу.

Она обернулась, и в ее глазах читалась привычная готовность к обороне.

— О чем? Опять о том, как я тебя обидела?

— О нас. О семье. Об этой молодой блогерше, Лике. Она

старше тебя лет на шесть.

Алиса замерла. На щеках запылал бунтарский дух. В ее взгляде не было раскаяния, скорее — вызов.

— Ну и что? Да, она молодая. Папа сказал, что ты все равно все узнаешь. Он, как всегда, прав — ты давно не в формате. Папа сильный, смелый, деловой. Он знает, что делать. А ты... ты одна сидишь на кухне... и что? Готова плакать в подушку.

Каждое слово было как новый удар хлыстом. Боль накрывала постепенно.

— Ты действительно так считаешь? — голос мой предательски дрогнул.

— Да! Папа, знает, что делать! — выпалила она, и в ее тоне зазвучали нотки истерики. — А Лика... Лика крутая девушка! Она профи! Она продвигает всё, у нее миллионы подписчиков! Она была в Милане на неделе моды! Она мне говорила, что я смогу стать лицом ее новой линии спортивной одежды! А ты что можешь мне предложить? Лайфхаки по складыванию белья?

Дочь говорила о Лике с таким восторгом, с каким когда-то, в детстве, рассказывала о новой сказке, которые я ей читала. И сейчас ее сказкой, ее идолом стала молодая блогерша.

— И, если вы с папой разойдетесь, — Алиса сделала паузу, чтобы добить меня, — я останусь с ним. Он меня любит. Только меня. С папой у меня есть будущее.

Дочь развернулась и ушла в свою комнату, щелкнув замком, как выстрелом из пистолета. Я осталась сидеть, разбитая и надломленная. Ее слова добили то, что не смогли добить слова Андрея. Андрей отнимал у меня прошлое. Дочь, всеми силами, отнимала будущее.

Я так и осталась сидеть одна, на «своей» кухне, и все иллюзии, как карточный домик рассыпались в бесформенную кучу.

Из полного оцепенения меня вывел звонок.

Андрей.

Его голос в трубке был ровным, деловым, без единой нотки вины или тепла.

— Света, я сегодня буду поздно. У нас подписывается важный контракт. И... нам нужно поговорить. Серьезно. Я заеду завтра днем на обед. Будь дома.

Он говорил так, будто назначал встречу с нерадивым подчиненным. «Будь дома». Как верный пес, который ждет на натянутой цепи.

Ступить в спальню этим вечером было выше моих сил. Наша с Андреем комната, с его дорогим парфюмом на туалетном столике и его второй тумбочкой, казалась мне враждебной территорией. Мое тело вдруг стало ненавидеть это пространство, где мы когда-то смеялись и строили планы, а теперь эти стены стали тесными, мне не хватало воздуха.

Я осталась спать в гостиной. Завернулась в плед, от которого пахло только мной, и легла на диван. Сквозь шторы про-

бивался свет уличных фонарей, отбрасывая на стены длинные, уродливые тени. Сон не шел. Я ворочалась, и в тишине комнаты эхом отзывались слова дочери: «Я останусь с ним». И слова мужа: «Нам нужно поговорить». Сквозь сон меня мучили вопросы: «Андрей, почему?» «...кто эта его Лика?» Не «кто она такая». А — что она из себя представляет? Новая «линейка продукции»? «Апгрейд» личного бренда? Я вдруг с болезненной ясностью ощутила, что мы все эти годы работали над разными проектами. Я — над созданием семьи. Муж — над продвижением успешного имиджа. И, возможно, наша идиллия была для него просто... удачной маркетинговой стратегией. А я — стала устаревшим проектом, который пора менять.

Именно в этой леденящей тишине, среди обломков своей семьи, которые я пыталась склеить, пришло сообщение. Телефон на столе завибрировал, осветив лицо синим экраном.

Неизвестный номер: «Светлана, здравствуйте. Это Лика. Давайте завтра встретимся. Я хочу поговорить без агрессии и лишних эмоций».

Я тупо уставилась на экран, и во рту было сухо, как от пепла. Сон сняло как рукой. Агрессия? Нет, ее у меня не осталось. Была только пустота, которую нужно было чем-то заполнить. Может добавить в нее хотя бы горького любопытства. Пальцы похолодели. Вспомни «вот это самое» и оно всплывет. Спокойно. Она ждет мою роль: «будто я разъяренная фурия, а она — воплощение здравого смысла». Инстинк-

тивно я хотела ответить грубостью, вылить на нее все, что накопилось за два дня.

Но вдруг вспомнила слова Игоря:

«Реклама не изменилась. Изменились каналы. Люди все так же хотят историю. И теперь она должна быть короче и честнее».

Давай, Лика, сыграем по твоим правилам. Посмотрим, насколько ты честна.

Мой ответ звучал как принятие: «Хорошо. Завтра. Могу утром. Во сколько и где?».

***

Я проснулась оттого, что спина затекла и шея ныла. Я не сразу поняла, где нахожусь. Потом все вернулось: гостиная, плед, щемящее одиночество и ледяной комок под сердцем. Дневной свет, пробивавшийся сквозь тюль, рассеивался, преломлялся и казался насмешкой. Вчерашние тени куда-то уплыли. Стало спокойнее. Я закрыла лицо руками. Кожа была сухой и натянутой, будто я не спала, а провела ночь в бою.

На кухне, громыхая посудой, суетилась Алиса, в ночнушке, которая стала ей явно мала и подчеркивала уже недетскую фигуру. Она наливала себе смузи, тот самый, зеленый и безвкусный, как ее новая жизненная философия. На мне была все та же помятая одежда, что и вчера. Дочь окинула меня быстрым, оценивающим взглядом.

— Ты прямо так и спала в платье? — спросила она, и в го-

лосе прозвучало что-то среднее между удивлением и брезгливостью.

— Репетировала роль «устаревшего формата», — ответила я с упреком, подходя к кофемашине. — Решила полностью соответствовать ожиданиям, провела ночь в черном платье. Это добавляет драматизма, не находишь?

Она нахмурилась, не понимая, как реагировать на мой тон.

— Не надо иронии, мам. Это не решит вашу с папой проблему.

— А что решит? — спросила я, поворачиваясь к ней с чашкой кофе. — Ясность! Да, я думаю, мы с Андреем во всем разберемся. Кстати, твой отец сегодня заедет на обед. С совещания. Как к себе в офис. Чисто деловое общение. От меня требуется подготовить квартальный отчет по успеваемости, полный ребрендинг и свое ви́дение развития нашего нового семейного бренда. Думаю, Андрей оценит. Ему всегда нравилось, когда я делаю вид, что верю в его байки. Так что я подготовлю для него особый отчёт — с графиками падения его ответственности и диаграммой сексуальных фантазий, которые он, судя по всему, решил реализовать в своем возрасте с какой-то фитоняшкой из спортзала. Пусть оценит масштаб своего клинического маразма.

Алиса покраснела. Мои слова, обернутые в корпоративный жаргон, который она так любила использовать в отношении меня, явно задели ее за живое.

— Ты не смеешь так говорить о папе! — вспыхнула она.

— Почему? Он же говорит так обо мне. «Устаревший формат». «Тормозит рост». Разве это не уничижительный тон? А я подстраиваюсь под новые тренды, Алиса. Как ты и хотела.

— Это не тренды, мам, это про нашу с папой жизнь! — она швырнула в раковину ложку, и звон металла о металл заставил меня вздрогнуть. — У тебя нет ни одной живой истории в соцсетях! Ты не смеешься в ресторане! Ты, вообще, с нами редко ходишь. Ты... ты даже сейчас хлеб режешь с таким видом, будто подписываешь смертный приговор. С тобой скучно!

— А с Ликой, я полагаю, очень весело? — голос у меня сорвался, став тише и жестче. — Она, наверное, режет хлеб задорно и с огоньком? Или, думаю, она вообще не ест хлеб — на столе только авокадо и зеленый смузи для выживания. И твоя Лика, как и ты, верит, что в сорок пять жизнь заканчивается?

— Хватит! — Алиса зажмурилась, будто от физической боли. — Не надо ни чего говорить про Лику! Ты все портишь! Я буду дружить с ней, хочешь ты или нет! И это про то, почему я хочу остаться с ним. Отец... он дышит полной грудью. А ты живешь, как в аквариуме.

— В аквариуме, — медленно повторила я, глядя на ее разгоряченное лицо. — Интересное наблюдение. Ты не задумывалась, кто его построил, этот аквариум? Кто наливал воду,

следил за температурой, фильтровал среду, чтобы в ней могла спокойно плавать одна маленькая, очень требовательная рыбка? Дышать полной грудью легко, Алиса, когда за твой кислород отвечает кто-то другой.

Я отпила кофе. Он был горьким, как и все в это утро. Дочь, не найдя что ответить, развернулась и вышла.

— Не хлопай дверью! — бросила ей вслед, но Алиса меня проигнорировала. Импульсивность была у нас в крови.

Оставшись одна, я глубоко вздохнула и с силой воткнула нож в хлеб, разрубив его пополам. Эта маленькая словесная победа не принесла облегчения, но она дала что-то другое — тонкий, стальной стержень внутри. Хватит ли мне хладнокровия для встречи с Ликой?

***

Под душем я представляла, как смываю с себя остатки вчерашней слабости, слез и этого одинокого сна в гостиной. Вода была почти обжигающей, но я стояла, не двигаясь, пока кожа не запылала. Большое зеркало в ванной, затянутое паром, отражало что-то бесформенное. Я подошла ближе и провела ладонью по влажной поверхности, стирая пелену. В зеркале на меня смотрела не та уставшая женщина, не то, что скрывалось под бесформенными кардиганами и «удобной» домашней одеждой. Упругое тело. Мое тело. Пятнадцать лет материнства и быта не смогли стереть его красоты. Тонкая талия, которую Андрей когда-то обнимал, шутя, что боится сломать. Длинные, стройные ноги — наследство бабушки,

которая говорила: «ноги — это еще неумение танцевать» и я их всегда неловко прятала. Плавный изгиб бедер, мягкость живота, где жила память о беременности, и та легкая тень, как напоминание о главном создании.

Я повернулась, глядя на свое отражение в профиль. Это было тело женщины. Не девочки, как Лика. В нем была история. В нем была сила, о которой я сама позабыла. Мышцы, хоть и не накачанные в спортзале, были упругими от летних работ в саду, от прогулок с коляской, от бесконечных забот. Кожа на плечах и ключицах сияла влажным жемчужным блеском.

Я выпрямила спину. Подняла подбородок. В отражении увидела не жертву, а соперницу. Мои козыри были не в мимолетной юности, а в этой самой, выстраданной красоте, в гармонии линий, которые время пока только отточило, а не уничтожило.

Тело было моим активом. Это внезапное озарение, — согревало и придавало бесшабашной смелости. Они все так хотели видеть меня сломленной и увядшей? Пусть посмотрят повнимательнее. «Устаревший формат»? Точно нет. «Лимитированная классика». Да. И в ее ценности я сейчас сама убедилась, глядя в зеркало.

Я вышла из ванной, завернувшись в полотенце, и моя кожа горела. Не от воды, а от странного, забытого чувства — гордости за саму себя. За то, что я все еще здесь. И мой «бренд», как выяснилось, обладал не только интеллектуаль-

ной, но и весьма ощутимой физической ценностью. Я одевалась не как на войну, а как на деловые переговоры, поэтому ничего лишнего. Красивое белье для меня и строгий образ на встречу. Водолазка, пиджак из шерсти, лаконичный крой, джинсы. Никаких логотипов, кричащих цветов или попыток выглядеть моложе. Только моя собственная, выстраданная элегантность. И не надо накладывать много макияжа, всего-то выровнять тон и подвести глаза — чтобы они смотрели четко и прямо.

Я поймала свое отражение в зеркале прихожей. Передо мной стояла не жертва. Не униженная жена. Можно лишь чуть-чуть изменить себя — и вот она, женщина с опытом, с деловой хваткой. Та, которую когда-то боялись конкуренты и уважали клиенты. Ее бренд, может, и был временно отправлен на полку, но его уникальность — та самая глубина и подлинность, о которой говорил Игорь, — никуда не делась. Я вспомнила неожиданную встречу в «ЦЕХе», наш разговор с Игорем и его слова вселили чувство уверенности.

Прихватив сумку, я пулей вылетела из квартиры, не оглядываясь. Мне предстоял важный разговор. Не с соперницей, нет, с живым воплощением того рынка, который объявил меня банкротом. И я должна была доказать, что мои активы куда более ликвидны, чем им кажется.

***

Она назначила место — кафе с большими окнами на оживленный проспект, место паломничества таких же, как

она, подтянутых и успешных. Я пришла раньше, чтобы оглядеться, собраться с мыслями и занять удобную позицию. Более всего мне понравился столик в углу, откуда было видно весь зал. Мой щит — простая темная водолазка и джинсы. Ее территория — глянец и дорогие бренды.

Лика вошла, как модель выходит на подиум. Таким девушкам мужчины смотрят вслед, с чувством досады и восхищения. Но им не перепадает даже робкой надежды. Длинные ноги, сапоги на каблуках, капюшон кашемирового пальто, идеальный мейк, собранные в тугой пучок волосы. Томный взгляд пронизывал и оценивал, отсеивая ненужное и оставляя нужное только ей. Каждый шаг был отточен, каждое движение — часть перформанса. Она заметила меня и вздрогнула, она знала меня только по фото и была неприятно удивлена. Легкая улыбка тронула ее губы — не дружелюбная, а снисходительная, словно она делала одолжение, соглашаясь на эту встречу.

— Светлана? Очень приятно. Спасибо, что нашли время.

Ее рукопожатие было быстрым и прохладным. Она села, заказала смузи со шпинатом и имбирем, даже не взглянув в меню. Я ограничилась водой. Мой желудок был сжат в тугой комок.

— Я ценю ваш зрелый подход, — начала она, отпивая свой зеленый коктейль. Ее колкий взгляд скользнул по моей водолазке, волосам, и я поймала в нем мгновенную оценку. «Не в формате». — Предлагаю поговорить, как рациональные лю-

ди. Без истерик.

— Я не склонна к истерикам, — парировала я, и мой голос прозвучал на удивление ровно. — Это, видимо, следующий пункт в вашем сценарии.

Лика проигнорировала колкость.

— Я полагаю, вы в курсе ситуации. Андрей и я... мы представляем собой очень сильную синергию.

— Она произнесла это слово с таким придыханием, будто это было священное заклинание.

— Мы - это стратегическое партнерство. И в бизнесе, и в жизни.

Синергия. Партнерство. Слова, которые Андрей когда-то использовал, рассказывая о наших общих планах на жизнь. Теперь они относились к кому-то другому. И их произносил абсолютно чужой человек.

Вспомнился наш старый диван, купленный в кредит, на котором мы сидели, прижавшись друг к другу, и строили планы. Он держал мою руку и говорил: «Вместе мы сила, Светка. Мы команда». А теперь эта «команда» стала «стратегическим партнерством» с этой бездушной куклой.

— Я понимаю, что это может быть болезненно, — продолжала Лика, глядя на меня с фальшивым сочувствием. — Но ваш брак... давайте смотреть правде в глаза. Это неудачный ребрендинг. Продукт устарел, упаковка не отвечает запросам рынка. Андрей хочет обновить линейку, выйти на новый уровень. А я — его новое лицо. Мы с ним на одной волне.

У меня перед глазами поплыли картинки: его лицо, склонившееся над коляской, в которой спала Алиса, юношеское и счастливое. Его лицо, уставшее после провальной сделки, которое я гладила по щеке, говоря: «Ничего, все наладится». Все эти лица, вся эта история — теперь мой «устаревший продукт».

— Вы с ним... Вы его тащите назад. Ваши советы и концепции — вчерашний день, — ее голос стал жестче, в нем исчезли следы мнимой учтивости. — Вы тормозите его рост. Тормозите его бренд. Не мешайте ему расти. Я для Андрея готова сделать все. Он мне доверяет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.